

На правах рукописи

Ворот

Воротынцев Леонид Вячеславович

**КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ РУССКО-ОРДЫНСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО
ПОГРАНИЧЬЯ В XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Тамбов – 2020

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина».

- Научный руководитель:** доктор исторических наук, профессор
Тропин Николай Александрович
- Официальные оппоненты:** **Зайцев Илья Владимирович,**
доктор исторических наук, профессор РАН,
Институт научной информации по
общественным наукам (ИНИОН) РАН,
руководитель «Центра сравнительного
изучения цивилизаций»;
Хайдаров Тимур Фаритович,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», доцент кафедры
Гуманитарных наук Подготовительного
факультета для иностранных учащихся
К(П)ФУ
- Ведущая организация:** Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»

Защита диссертации состоится «23» мая 2020 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 999.169.03 на базе ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина» по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 к, зал заседаний диссертационного совета. С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тамбовского государственного университета им Г.Р. Державина и на сайте ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»: <http://www.tsutmb.ru>

Автореферат диссертации разослан: « » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Жуковская Наталия Юрьевна

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Одним из наиболее актуальных и перспективных направлений в отечественной медиевистике является изучение взаимодействия славянского (древнерусского) населения с этносами, располагавшимися на окраинах ареала расселения восточных славян. На протяжении всей эпохи средневековья зонами активных славяно-тюркских этнокультурных контактов являлись лесостепные регионы Днестровско-Днепровского и Днепровско-Донского водоразделов.

В последние годы тема изучения специфики исторического развития русско-ордынской пограничной зоны, а также ее отдельных регионов, привлекает все большее внимание российских исследователей¹. Вместе с тем, отсутствие к настоящему времени работ, посвященных комплексному изучению истории регионов южнорусского лесостепного пограничья в ордынскую эпоху с позиций концепции контактных зон, обуславливает актуальность представляемого исследования.

В диссертации рассматривается ряд проблемных вопросов, не получивших к настоящему времени должного освещения в предшествующей историографии. В частности, подробно исследуются вопросы географической локализации контактных зон русско-ордынского пограничья, причины и обстоятельства их возникновения, а также вопросы хозяйственно-экономического развития и этнокультурных процессов, происходивших на территории пограничных регионов в эпоху ордынского владычества.

Объект исследования: регионы южнорусского лесостепного пограничья, включенные после монгольского нашествия в административно-территориальную систему Улуса Джучи.

Предметом исследования являются политические, хозяйственно-экономические, и этнокультурные процессы, происходившие на территории регионов русско-ордынского пограничья в XIII – первой половине XV вв.

Хронологические рамки диссертации охватывают период XIII – первой половины XV вв., от завершения Западного похода монголов (1242 г.) и начала формирования административно-территориальной системы Улуса Джучи, до окончательного распада Ордынского государства в 30-40-х гг. XV в.

Географические рамки работы определяются полосой лесостепных районов Рязанского, Черниговского, Киевского, Переяславского и Галицко-Волынского княжеств.

¹ Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Центральнo-Черноземный край в русско-ордынском пограничье (в конце XIV – начале XV века) // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов. Т. II. СПб., 2010 С. 386-392; Рахимзянов Б.Р. К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных княжеств // Средневековые тюркско-татарские государства. 2010. № 2. С. 91-95; Нолев Е.В. На северо-западных рубежах монгольской империи: русско-ордынское пограничье // Власть. Т. 25. № 9. 2017. С. 167-172; Воробьева Е.Е., Федулов М.И. К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань-Кишинев., 2019. С. 289-295.

Степень изученности темы. Историю изучения регионов русско-ордынского пограничья можно разделить на несколько периодов. Начальный период – вторая половина XIX – начало XX в. Среди наиболее значимых исследований этого периода необходимо выделить работы Д.И. Иловайского², Д.И. Зубрицкого³, А. Мухлинского⁴, М. А. Максимовича⁵, В.В. Вельяминова-Зернова⁶, Н.П. Дашкевич⁷, П. Голубовского⁸, М. Владимирского-Буданова⁹, Д.И. Багалея¹⁰, Р.В. Зотова¹¹, М.С. Грушевского¹², С.Н. Введенского¹³.

М.А. Максимович и М. Владимирский-Буданов в своих работах, посвященных изучению демографических процессов в землях Юго-Западной Руси в ордынскую эпоху, обратили особое внимание на ошибочность оценок Н.П. Погодина о запустении территорий южнорусских княжеств в результате монгольского нашествия и заселении земель современной Центральной и Восточной Украины пришельцами «от Карпатских гор».

М.С. Грушевский особо отмечал социальный аспект последствий монгольского нашествия. По мнению историка, завоеватели, уничтожив княжеско-боярскую верхушку Южной Руси, способствовали созданию на южнорусских землях нового, «общинного» («громадского») общественного уклада.

С начала 20-х по конец 80-х гг. XX в. можно выделить второй период в изучении истории русско-ордынских отношений. Следует отметить, что господствующим подходом к изучению проблем русско-ордынских отношений в советской историографии, являлось их рассмотрение исключительно через призму концепции антагонизма между двумя хозяйственными укладами – оседлым земледелием и кочевым скотоводством. В основе данного подхода лежал крайне субъективный тезис К. Маркса о

² Иловайский Д.И. История Рязанской княжества. М., 1858. 337 с.

³ Зубрицкий Д.И. История древнего Галицко-Русского княжества. Львов., 1855. 314 с.

⁴ Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1858. 205 с.

⁵ Максимович М.А. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом // Собрание сочинений. Т. 1. Киев, 1876. С. 131-149.

⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. В 4-х томах. СПб., 1863-1887. 558 с.

⁷ Дашкевич Н.П. Болоховская земля и ее значение в русской истории // Труды III АС. Т. 2. Киев, 1878. 68 с.

⁸ Голубовский П. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев., 1881. 209 с.

⁹ Владимирский-Буданов М. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века // Архив ЮЗР. Ч. 7. Т. 1. 1886. 85 с.

¹⁰ Багалея Д.И. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев., 1882. 382 с.

¹¹ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // Летописи занятий Археографической комиссии до 1882-1884 гг. СПб., 1892. 379 с.

¹² Грушевский М.С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 3. 558 с.; Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. К., 1891. 538 с.

¹³ Введенский С.Н. Червлёный Яр // Воронежская старина. Воронеж., 1905. Вып. 5. 38 с.

механизмах хозяйственной деятельности монголов на завоеванных территориях.

В общем контексте марксистской методологии выдержаны, монографии А.Н. Насонова¹⁴, В.В. Мавродина¹⁵, коллективный труд Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского¹⁶, а также работы В.Т. Пашуто¹⁷, Г.А. Федорова-Давыдова¹⁸, М.Д. Полубояриновой¹⁹, М.Г. Сафаргалиева²⁰, Н.Ф. Шабульдо²¹.

Тезис о исключительно враждебных отношениях между кочевыми и земледельческими этносами впервые был оспорен В.А. Белявским²². Позднее, гипотеза о формировании контактных зон на границе лесного и степного ландшафтов была выдвинута Л.Н. Гумилевым, отметившим, что именно в лесостепных регионах имелись оптимальные условия для становления культуры и процветания хозяйства²³.

В 1985 г. выходит в свет фундаментальное исследование В.Л. Егорова, посвященное изучению вопросов исторической географии Золотой Орды²⁴. Новым подходом в изучении пограничных со степью регионов Южной Руси стал выдвинутый В.Л. Егоровым тезис о существовании т.н. «буферных зон», отделявших собственно ордынские кочевья от русских княжеств. По мнению историка, «буферные зоны» не были включены в территориальную структуру Улуса Джучи, однако находились под управлением ордынских чиновников. Спецификой указанных территорий, с точки зрения исследователя, являлась их незаселенность, или слабая заселенность оседлым населением, вызванная постоянной угрозой со стороны кочевников.

Знаковой работой, положившей начало новым подходам к изучению истории южнорусских земель в ордынскую эпоху, становится вышедшая в 1987 г. монография А.А. Шенникова, посвященная изучению одного из периферийных ордынских улусов, располагавшегося в лесостепной полосе донского левобережья и носившего в русских летописных источниках название Червленого Яра²⁵. А.А. Шенников определял регион Среднего Подонья (Червленого Яра) как зону совместного освоения русских земледельческих общин и объединений ордынских кочевников, живших в

¹⁴ Насонов А.Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М.-Л., 1940. 178 с.

¹⁵ Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древних времен до второй половины XIV в.). Л., 1940. 320 с.

¹⁶ Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950. 478 с.

¹⁷ Пашуто В.Т. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР. 1950. 333 с.

¹⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

¹⁹ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. 133 с.

²⁰ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск., 1960. 276 с.

²¹ Шабульдо Н.Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев.: 1987. 177 с.

²² Белявский В.А. По поводу «извечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы // Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 101-108.

²³ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2002. С. 438.

²⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. 245 с.

²⁵ Шенников А.А. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Л., 1987. 139 с.

хозяйственно-экономическом и этно-культурном симбиозе на территории хоперско-донского междуречья.

В постсоветской историографии, вследствие исчезновения идеологических установок и отхода от марксистской парадигмы, изучение русско-ордынских отношений переходит на новый уровень. Появляются исследования рассматривающие отношения русских княжеств и Орды с позиций формационного и цивилизационного подходов, системного анализа, а также с применением методологии социоестественной истории.

К числу таких работ, прежде всего, следует отнести монографии Э.С. Кульпина-Губайдулина²⁶, Т.М. Хайдарова²⁷, М.Г. Крамаровского²⁸.

В работах В.В. Трепавлова²⁹ и И.М. Миргалеева³⁰, рассматриваются вопросы политической истории Монгольской империи и Улуса Джучи в XIII-XV вв. Исследованию русско-ордынских отношений в XIII-XV вв. посвящен ряд работ Ю.В. Селезнева³¹. В монографиях и статьях московского историка А.А. Горского³², рассматриваются как вопросы общего политического развития русских земель в ордынскую эпоху, так и отдельные аспекты русско-монгольских отношений в XIII-XV вв.

Ряд новых подходов к разрешению проблемы определения русско-ордынского пограничья как контактной зоны содержатся в работах современных украинских историков Б.В. Черкаса³³ и Е.В. Русиной³⁴, отмечающих формирование в ордынскую эпоху такого историко-географического феномена, как «Татарская земля», включавшего в себя ряд пограничных со степью регионов Южной Руси, вошедших в административно-территориальную структуру Орды вследствие процессов «обескняживания» и миграции тюркского населения.

²⁶ Кульпин-Губайдулин Э.С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., 2005. 240 с.

²⁷ Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). Казань., 2018. 304 с.

²⁸ Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия. 2001. 236 с.; Он же. Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005. 264 с.

²⁹ Трепавлов П.П. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига. 2010. 72 с.

³⁰ Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань., 2003. 164 с.

³¹ Селезнев Ю.В. «А переменит Бог Орду...» (русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.). Воронеж., 2006. 160 с. Он же. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды., 2017. 260 с.; Он же. Картины ордынского ига. Воронеж., 2017. 437 с.

³² Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. 128 с.; Он же. Москва и Орда. М., 2000. 214 с.; Он же. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // «...Бещисленныя рати и великия труды...». Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 127-128.

³³ Черкас Б.В. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. Казань., 2015. 157-179.

³⁴ Русина Е.В. Україна під татарами і Литвою // Україна крізь віки. т. 6. Київ, 1998. 320 с.; Она же. Історія Київського князівства XIV-XV ст. у світлі нових даних // Україна крізь віки. Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смоля. Київ, 2010. С. 184-202.

Теме формирования Подолии (Болховской земли) как отдельной исторической области с особой спецификой развития, располагавшейся в XIV-XV вв. между ордынскими улусами и основной территорией Великого княжества Литовского посвящены исследования О. Белецкой³⁵, а также А.П. Толочко и В.М. Рички³⁶.

Проблемам возникновения, географической локализации и политического статуса владений «служилых татар» и казаков на пограничных со Степью землях ВКЛ, а также Рязанского и Московского княжеств – посвящены исследования И.В. Зайцева³⁷, Е.Е. Русиной³⁸ и А.В. Белякова³⁹.

Тема формирования «буферных» владений представителей ордынской аристократии на северо-восточных рубежах Рязанского и Суздальско-Нижегородского княжеств затрагивается в монографии тамбовского историка и археолога С.И. Андреева, посвященной изучению регионов русско-мордовского пограничья в эпоху средневековья⁴⁰.

Различные аспекты специфики развития южнорусских земель в эпоху ордынской зависимости рассматривались в ряде исследований английских и американских историков. К таковым, прежде всего, следует отнести работы Г.В. Вернадского⁴¹, Дж. Феннела⁴², О. Латтимора⁴³, Ч. Гальперина⁴⁴, и М. Ходарковского⁴⁵.

Получение как можно более полной и объективной картины исторического развития регионов южнорусской лесостепи в ордынскую эпоху невозможно без привлечения материалов археологических исследований и их синтеза с данными, содержащимися в нарративных источниках.

Во второй половине XX - начале XXI вв. системному археологическому изучению подвергаются территории, составлявшие

³⁵ Белецька О. Поділля на знамі XIV-XV ст. до витоків формування історичної області. Одеса., 2004. 416 с.

³⁶ Толочко О.П., Ричка В.М. «Князи болоховьсьци» // *Ruthenica*. Т. XIII. Київ., 2016. С. 83-107.

³⁷ Зайцев И.В. Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского: Яголдаева «тьма» // *Золотая Орда в мировой истории*. Казань., 2016. С. 807-810.

³⁸ Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // *Славяне и их соседи*. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.П. Литаврина. М., 2001. С. 144-152.

³⁹ Беляков А.В. «Касимовское царство» раннего периода (XV – первая половина XVI вв.): проблема интерпретации источников // *Восточная Европа в древности и средневековье*. Т. XVII. 2005. С. 172-175.; Он же. Мещерские казаки // *Казачество в тюркском и славянском мирах*. Казань., 2018. С. 202-2

⁴⁰ Андреев С.И. На юго-восточном рубеже Древней Руси. Этнополитическая история населения Окско-Донской равнины в XII-XV вв. Тамбов., 2008. 337 с.

⁴¹ Vernadsky G. *The Mongols and Russia*. London., 1953. 480 p.

⁴² Fennell J. *The Crisis of Medieval Russia. 1200-1304*. London., 1983. 169 p.

⁴³ Lattimore O. *The Nomads and South Russia* // *Archeion Ponton*. 1979. P. 193-200; Lattimore O. *Studies in Frontier History. Collected Papers 1928-1958*. London, 1962. 568 p.

⁴⁴ Halperin Ch. J. *The Tatar Yoke: The Image of Mungols in Mediaval Russia*. Corrected edition. Bloomington. Slavica Publiher. 239 с.

⁴⁵ Khodorkovshy M. *Russian Steppe Fronier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800*. Bloomington, 2002. 352 p.

западную часть территории Улуса Джучи, включая регионы лесостепного пограничья. По итогам этих исследований выходит ряд обобщающих работ, синтезировавших сведения письменных источников с данными археологии. К таким работам, прежде всего, следует отнести исследования П.А. Раппопорта⁴⁶, К.И. Терещука⁴⁷, С.А. Беляевой⁴⁸, Н.А. Тропина⁴⁹, М.В. Цыбина⁵⁰, В.В. Енукова⁵¹, Г.Е. Шинакова⁵², О.Б. Супруненко, К.М. Мироненко, В.В. Приймака⁵³, А.В. Зорина, А.Г. Шпилева⁵⁴, А.А. Чубура⁵⁵.

Несмотря на наличие значительного числа работ посвященных изучению различных аспектов исторического развития отдельных районов русско-ордынского пограничья, а также большой объем накопленного археологического материала, к настоящему времени не было проведено обобщающего исследования по теме хозяйственно-экономического развития регионов южнорусской лесостепи в период ордынского владычества. Также не рассматривались вопросы демографического развития обозначенных территорий и процессов межэтнического взаимодействия между славянскими и тюркскими этническими группами, совместное проживание которых на землях русско-ордынского пограничья фиксируется наличием многочисленных памятников материальной культуры. В данном контексте, применение метода междисциплинарных исследований, представляющего собой синтез информации содержащейся в письменных и археологических источниках, открывает ряд новых и перспективных направлений научного поиска.

⁴⁶ Раппопорт П.А. Города Болховской земли // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 52-59.

⁴⁷ Терещук К.И. До питання про локалізацію Болховської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 164-176.

⁴⁸ Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV вв. (по данным археологии). Киев., 1982. 116 с.

⁴⁹ Тропин Н.А. Елецкая земля в XII-XV вв. Елец., 1999. 147 с.; Он же. Сельские поселения XII-XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж., 2004. 264 с.; Он же. Южные территории Чернигово-Рязанского Порубежья в XII-XV вв. Елец., 2006. 274 с.

⁵⁰ Цыбин М.В. К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. Волгоград, 2004. С. 46-52.; Он же. Периферия Золотой Орды в Подонье // Краткие сообщения Института археологии. 2007. № 221. С. 166-175.

⁵¹ Енуков В.В. Славянский комплекс на р. Рать // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991. С. 39-41.; Он же. Курское княжение в монгольское время // Деснинские древности. Брянск, 1995. С.134-156.

⁵² Шинаков Г.Е. Характер размещения древнерусских памятников на территории «Воронежских лесов» // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР / ТД республиканской конференции молодых ученых (Киев, апрель 1981). Киев, 1981. С. 45-53.

⁵³ Приймак В.В. О локализации летописного города Липовицка // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 65-72.

Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоордыньського часу Дніпровського лісостепоного Лівобережжя. Київ-Полтава., 2004. 82 с.

⁵⁴ Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод // Славяно-русские древности Днепровского левобережья. Курск, 2008. С. 91-94.

⁵⁵ Чубур А.А. К исторической географии Посеймья и сопредельных земель в период феодальной зависимости от Золотой Орды // Studia internationalia / Материалы II международной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.». Брянск, 2013. С. 47-55.

Цель исследования – изучение специфики развития регионов русско-ордынского лесостепного пограничья в контексте административно-политических, экономических и этнокультурных контактов оседлого и кочевого населения.

Задачи исследования:

1. Определение политического статуса княжеств и земель Южной Руси в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи.
2. Установление причин и характера административно-территориальных изменений, происходивших в пограничных с Ордой регионах южнорусских княжеств во второй половине XIII – первой половине XIV вв.
3. Изучение влияния торговых коммуникаций на хозяйственно-экономическое развитие и поселенческую структуру контактных зон русско-ордынского пограничья.
4. Выявление специфики системы административного управления регионами русско-ордынского пограничья в ордынскую эпоху.
5. Исследование административно-территориальных изменений, произошедших на русско-ордынском пограничье в связи с процессами дезинтеграции Улуса Джучи и военно-политической экспансией Великого княжества Литовского, а так же Рязанского и Московского княжеств во второй половине XIV-XV вв.
6. Выявление причин и обстоятельств возникновения владений «служилых татар» и казачьих сообществ на землях литовско-ордынского и рязанско-ордынского пограничья в конце XIV-XV вв., а также определение их географического расположения и административно-политического статуса.

Источниковая база диссертационного исследования.

Для решения поставленных в исследовании задач был привлечен широкий круг как отечественных, так и зарубежных источников, содержащих прямые или косвенные сведения по политической истории, экономике и исторической географии Улуса Джучи и пограничных с ним земель южнорусских княжеств.

Письменные источники, использованные в работе можно разделить на несколько групп:

Первая группа включает в себя древнерусские источники – летописи⁵⁶, историко-географические трактаты⁵⁷, духовные и договорные грамоты князей⁵⁸, грамоты митрополитов⁵⁹, родословные книги⁶⁰.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908. 938 Стб.; ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. 392 с.; ПСРЛ. Т. XI-XII. Никоновская летопись. М., 1965. 470 с.; ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 2004. 256 с.; ПСРЛ. Т. XXXV. Уваровская (Слуцкая) летопись. М., 1880. 84 с.; ПСРЛ. Т. XXXX. Густынская летопись / отв. ред В.А. Кучкин. СПб., 2003. 273 с.;

⁵⁷ Тихомиров М.М. Список русских городов, дальних и ближних // Исторические записки. 1952. № 40. С. 214-259; Книга Большому чертежу. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 232 с.

⁵⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л.: Наука. 1950. 585 с.

Вторая группа состоит из восточноевропейских и западноевропейских источников – путевых записок и отчетов дипломатов и путешественников⁶¹, актов дипломатической переписки⁶², торгово-экономических документов и трактатов⁶³.

Третья группа содержит восточные источники, состоящие в основном из монгольских⁶⁴, мусульманских⁶⁵, армянских⁶⁶, византийских⁶⁷, грузинских⁶⁸ хроник, историко-географических трактатов⁶⁹, а также ханских ярлыков⁷⁰.

Методы исследования: основными методами и принципами исторического познания представляемого диссертационного исследования являются: историко-типологический, историко-географический, сравнительно-исторический и историко-системный методы, а также принципы историзма и объективности.

Принцип историзма заключается в максимально объективном изучении исторических процессов, определении причинно-следственных

⁵⁹ Грамота митрополита Феогноста на Червленьый Яр // Акты исторические собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. 1334-1598. СПб., 1841. С. 21-22; Грамота митрополита Алексия на Червленьый Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам // АИ, т. 1, 1334-1598 гг., СПб., 1841. С. 22-23.

⁶⁰ Родословная книга. СПб., 1787. С. 1787; Румянцевский список первого извода Патриаршей редакции родословных книг. Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 256. № 349. Приложение 3 // Очерки феодальной России. № 15. М. - СПб., 2012.

⁶¹ Джиовани дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А. И Маленина М., 1957. 287 с.; Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 2018. 576 с.

⁶² Литовская метрика. Т. VII. Acta Magu. Ducat. Lity., рукопись in folio нач. XVI в. Записи книги VII. Л. 59-40. // Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археологической комиссией. Т. II. 1506-1544 гг. СПб., 1848. 443 с.

⁶³ Francesco Balducci Pegolotti. La Pratica della mercatura / Ed. By Evans. Cambridge. Mass., 1936; Регесты документального фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящихся к истории Причерноморья // Причерноморье в Средние века. Вып. 3. М.-СПб., 1998. С. 9-81.

⁶⁴ «Сокровенное сказание монголов» // Золотая Орда в источниках: в 5 т. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. 336 с.

⁶⁵ Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. – М., 2004. 689 с.; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. М.-Л., 1960. 260 с.; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л. 1960. 248 с.; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946. 313 с.

⁶⁶ Киракос Гандзакечи. История Армении. М., 1976. 359 с.

⁶⁷ Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Т. 6. – СПб., 1862. 495 с.

⁶⁸ Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. 7. М., 1980.

⁶⁹ Фадлаллах ал-Умари. Пути взоров по государствам с крупными городами // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266-1359). Казань., 2011. С. 129-142.; Из «Подарка наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» Ибн Баттуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266-1359). Казань., 2011. С. 150-177.

⁷⁰ Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирея // Воскресенская летопись. Приложения. Рязань., 1998. С. 521-532.

связей в исторических событиях, а также выявлению внутренних и внешних закономерностей в данных событиях.

Соблюдение принципа объективности позволяет избежать субъективного анализа при формулировке заключений и выводов, а также оптимально сочетать изучение источников и фактов с последующим их анализом и интерпретацией.

Сущность историко-системного метода заключается в рассмотрении всей совокупности внешних и внутренних факторов оказывавших влияние на развитие контактных зон русско-ордынского пограничья.

Применение сравнительно-исторического метода позволяет выявить как общие закономерности развития, так и региональные особенности пограничных территорий.

Историко-типологический метод позволяет выявить типологию отношений политических элит южнорусских княжеств с властями Улуса Джучи в период зависимости, а также приблизиться к пониманию тех принципов, на которых строилось взаимодействие древнерусского, земледельческого населения регионов лесостепного пограничья с кочевниками Золотой Орды.

Историко-географический метод позволяет использовать в исследовании материалы исторической географии, что в свою очередь помогает выявить степень влияния ландшафтно-географического фактора на специфику формирования и развития изучаемых регионов.

Помимо этого, в работе над диссертацией автором применялась методика т.н. «комплексного подхода», подразумевающая использование различных типов источников с целью решения отдельных задач исследования.

Научная новизна работы заключается в предпринятой впервые попытке комплексного подхода в изучении всего спектра проблем исторического развития лесостепных регионов русско-ордынского пограничья в XIII – первой половине XV в. В результате анализа информации, содержащейся в письменных источниках и его синтеза с результатами археологических исследований, автором был теоретически обоснован и впервые введен в научный оборот термин «**контактная зона**» в отношении ряда южнорусских лесостепных регионов, вошедших после монгольского нашествия в административно-территориальную структуру Улуса Джучи (Орды). Также, на основании фактических материалов в исследовании делается вывод о хозяйственно-экономическом и этнокультурном **симбиозе** славянского и тюркского населения регионов русско-ордынского пограничья. Кроме того, в работе уточняется и в значительной степени пересматривается ряд положений, относящихся к административно-территориальному статусу южнорусских земель в государственной системе Монгольской империи и Улусе Джучи (Орды) в XIII – первой половине XIV в.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит во введении в научный оборот новых терминов, выводов и положений, способных пополнить информационную базу исторических исследований посвященных изучению проблемы русско-ордынских отношений. Материалы диссертационного исследования могут использоваться в учебном процессе вузов в преподавании специальных дисциплин, при разработке концепций музейных экспозиций по истории южнорусских земель и Золотой Орды в XIII-XV вв., посвященных изучению средневековой истории Южной Руси в эпоху ордынского владычества.

Положения, выносимые на защиту

1. В эпоху расцвета Улуса Джучи (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) регионы русско-ордынского лесостепного пограничья становятся зонами интенсивных административно-политических, экономических и этнокультурных контактов – т. н. «контактными зонами». **Контактной зоной** следует считать территорию интенсивного хозяйственно-экономического и культурного взаимодействия между оседлым, земледельческим населением южнорусских земель и кочевниками ордынских улусов.

2. В 1240-1290-х гг., в результате целенаправленных военно-политических мероприятий властей Улуса Джучи, происходит включение ряда пограничных со Степью территорий южнорусских княжеств в состав ордынских улусов. К таковым территориям следует отнести галицкое Понизовье и Болховскую землю, Среднее Поднепровье, земли Переяславского княжества, южные районы Черниговского княжества, а также лесостепные районы рязанского Подонья. Основными факторами, ставшими причиной территориальных изменений являлись: 1) расположение вошедших в состав Орды областей в лесостепной полосе, необходимой для хозяйственной деятельности ордынских кочевников (наличие летних пастбищ, близость к торгово-ремесленным центрам); 2) прохождение по данным территориям ряда международных и внутриордынских торговых маршрутов.

3. Система административного управления вышеперечисленными регионами имела смешанный характер и включала в себя как ордынских чиновников (баскаков, сотников, атаманов), так и отдельных представителей элитных групп древнерусского общества (бояр, удельных князей). Данное обстоятельство, в большинстве случаев, способствовало стабильному хозяйственно-экономическому развитию регионов южнорусской лесостепной полосы в эпоху расцвета Ордынского государства (первая половина XIV в.), основанному на симбиозе земледельческого и скотоводческого хозяйственных укладов.

4. Становление во второй половине XIII - первой половине XIV в. системы международной и русско-ордынской торговли, оказало существенное влияние на интенсификацию экономического развития регионов русско-ордынского пограничья. Возникновение новых, или

возрождение ранее существовавших торгово-ремесленных центров на торговых маршрутах способствовало активизации процессов хозяйственного освоения близлежащей сельской округи древнерусским земледельческим населением.

5. В 1380-1430-х гг. на землях литовско-ордынского и рязанско-ордынского пограничья происходит становление ряда полиэтничных феодальных образований т.н. «служилых татар» (владение Мансура-Кията, Яголдаева тьма), а также военизированных казачьих сообществ на территориях Донского левобережья и Среднего Поднепровья («рязанские» и «черкасские» казаки). Данные территории продолжали оставаться зоной интенсивных этнокультурных контактов различных групп тюркского и славянского населения и в эпоху литовского военно-политического доминирования.

Апробация работы: Основные положения диссертации были представлены на конференциях: 1) Десятая региональная научная конференции «Власть и общество: история взаимоотношений». (Воронеж, 19 марта 2016 г.); 2) VI Всероссийский научный семинар «Город Средневековья и раннего Нового времени». (Куликово поле, 15-18 ноября 2016 г.); 3) V Международный Золотоордынский форум «История Золотой Орды и татарских ханств». (Казань, 15-18 марта 2017 г.); 4) Всероссийская научная конференции «Воронеж – форпост Российского государства» (к 840-летию первого упоминания г. Воронежа в русском летописании). (Воронеж, 15-16 сентября 2017 г.); 5) II Всероссийская конференция «Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья». (Куликово поле, 23-26 ноября 2017 г.); 6) Международная научно-практическая конференция «Россия и Монголия: вехи истории». (Ярославль, 16-18 мая 2019 г.).

Структура исследования строится на основании поставленных задач и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений.

Основное содержание работы

Во введении обоснована актуальность выбранной темы, установлены хронологические и географические рамки, а также объект и субъект исследования. Раскрывается степень изученности проблемы в отечественной и зарубежной историографии, обозначаются цели, задачи, а также источниковая база диссертации. Определяются методы научного исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, апробация результатов, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации «**Южнорусские земли в государственной системе монгольской империи и Улуса Джучи (Орды)**» рассматриваются вопросы формирования политической зависимости, а также административно-правового статуса земель-княжеств Южной Руси,

непосредственно граничивших со Степью, в первые десятилетия ордынского владычества.

Первый параграф главы «**Рязанская земля**» посвящен дискуссионным вопросам формирования административно-политической системы Рязанского княжества в первые десятилетия монгольского владычества, а также становлению политической зависимости Рязани от державы Чингисидов.

Военный разгром княжества зимой 1237/38 гг. привел к утрате правящими элитами Рязани значительной части политического суверенитета, что выразилось в необходимости подтверждения династических прав рязанского князя Олега Ингваревича Красного.

В результате нескольких поездок Олега Ингваревича, (1250-1252 гг.) в Каракорум (1242-1243) и Орду (1250-1252 гг.) рязанскому князю удалось сохранить государственную автономию княжества с условием признания политической зависимости от Монгольской империи и Улуса Джучи.

Во *втором параграфе* главы «**Переяславская земля**» рассматриваются кардинальные изменения административного статуса территории Переяславского княжества, произошедшие в результате монгольского нашествия (1239 г.). Вследствие того, что земли княжества располагались в лесостепной ландшафтной зоне, пригодной для хозяйственного использования кочевниками, а так же имели значительный процент тюркоязычного населения, они были включены в состав одного из ордынских улусов.

В *третьем параграфе* «**Черниговская земля**» рассматривается политика ордынских властей в отношении Черниговского княжества. После казни в ставке Бату в 1246 г. черниговских князей Михаила Всеволодовича и Андрея Мстиславовича, а также насильственного «татарского» бракосочетания младшего брата и вдовы Андрея, ярлык на черниговское княжение был передан Всеволоду Ярополчичу, а позднее брянскому князю Роману Старому и его сыну Олег-Леонтий Романович. Основным последствием вмешательства ордынских властей во внутренние дела княжества стал процесс постепенной дезинтеграции Черниговщины на отдельные, фактически независимые удельные княжества. Уже в 40-х гг. XIII в. происходит выделение Брянского, Глуховско-Новосильского, Карачевского и Тарусского уделов. Южные уделы Черниговщины (Стародубский, Рыльский и Курский), располагавшиеся в непосредственной близости от ордынских владений, во второй половине XIII в. также становятся самостоятельными княжениями.

В *четвертом параграфе* «**Киевская земля**» анализируются изменения административно-политического характера произошедшие в Среднем Поднепровье в результате монгольского нашествия. В 1240-1245 гг. Киев и окрестная территория находились под прямым управлением монгольских чиновников (танмачинов и даруг), однако после получения Ярославом Всеволодовичем ярлыка на великое княжение (1245 г.) киевские земли были отданы в ленное владение Владимирскому княжескому дому. Источники

фиксируют пребывание в Киеве в середине 40-х гг. XIII в. наместника князя Ярослава – боярина Дмитрия Еиковича. Вместе с тем источники фиксируют наличие «киевского сотника» Хонггота, являвшегося, по всей видимости ордынским чиновником, осуществлявшим военный контроль над землями Среднего Поднепровья. Южные районы Киевской земли, располагавшиеся в лесостепной ландшафтной зоне (Поросье, Канев, Черкасы) в 1240-х гг. входят в территориальную структуру Улуса Джучи (Орды). В конце XIII – первой половине XIV в. управление киевскими землями переходит к представителям других княжеских домов, при наличии представителей ордынской администрации (баскаков).

В пятом параграфе «Галицко-Волынская земля» рассматривается административно-политический статус Галицко-Волынского княжества в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи 1240-1300 гг. Следует отметить, что разгром монгольскими войсками значительной части Галицко-Волыньских земель в 1240 г. не привел к немедленному установлению политической зависимости княжества от Джучидов или Каракорума. С 1241 по 1245 г. Даниил и Василько проводили вполне суверенную внутреннюю и внешнюю политику, направленную на подавление враждебных Романовичам боярских группировок, а также нейтрализации военных угроз со стороны Венгрии и Польши. Признание вассальных отношений правящих элит Галицко-Волынского княжества с Джучидами происходит только после поездки Даниила Галицкого в ставку Бату в 1245 г. По всей вероятности, данный статус предполагал наличие ряда преференций, косвенные свидетельства о которых в отношении Галицко-Волынского княжества прослеживаются в письменных источниках. Достаточно номинальная зависимость Г-В. княжества от Орды отмечается на протяжении всего XIII в.

Вторая глава «Русско-ордынское пограничье в 1240-1340-х гг.» посвящена изучению вопросов исторической географии регионов русско-ордынского пограничья, а также проблемам административного управления данных регионов.

В первом параграфе «Территориальная структура и типология пограничных территорий Монгольской империи и Улуса Джучи (Орды) в XIII- первой половине XIV в.» рассматривается вопрос о структуре и типах пограничных территорий Монгольской империи и Ордынского государства. Территориальная структура практически всех владений сыновей и внуков Чингисхана (включая Улус Джучи) включала в себя помимо степных и лесостепных регионов, населенных кочевниками, ряд завоеванных монголами территорий располагавшихся в иных ландшафтно-климатических зонах. Границы новых административных округов, появлявшихся в результате завоеваний, также относились к разряду внутренних границ и до распада Империи не имели четкой демаркации. Исходя из сообщений ряда источников, северные границы ордынских кочевий, имевшие соприкосновение с землями южнорусских княжеств,

располагавшихся на северной периферии Джучидских владений, как правило, не выходили за пределы лесостепной ландшафтной зоны.

Во втором параграфе «Галицко-ордынское пограничье» рассматриваются проблемные вопросы административно-территориальных изменений в регионе Бужско-Днестровского и Днестровско-Прутского междуречий. В 1240-1260-х гг. данные территории представляли собой «буферную зону» между ордынскими улусами и землями Галицко-Волынского княжества. Военное противостояние заключивших соглашение с монголами т.н. «болховских князей» и их союзников привело к военному конфликту Романовичей и ордынского темника Куремсы в 1255-1258 гг., следствием чего стал временный переход Побужья и Приднестровья под контроль Галича. Однако в 1260-х гг. темником Бурундаем эти земли были вновь возвращены под ордынский контроль и оставались под ним вплоть до начала «Великой замятни» и литовского завоевания (1362 г.).

Третий параграф «Черниговско-ордынское пограничье» посвящен рассмотрению вопросов связанных с формированием черниговско-ордынского пограничья в 1240-1290-х гг. До 80-х гг. XIII столетия северная граница собственно ордынской территории на левобережье Днепра проходила по нижнему течению р. Псел с последующим отступлением ее к югу в среднем течении р. Ворсклы и далее на восток вдоль ее левого берега несколько южнее современного Харькова, возможно до верхнего течения р. Псел. Однако в последней четверти XIII в. происходят серьезные изменения территориально-административного характера на землях Курско-Рыльского Посеймья. В 1288-1289 гг. возникает т.н. Курское баскачество, основанное «бесерменином» Ахматом по ярлыку хана Туда-Менгу. На землях баскачества возникают новые торгово-ремесленные поселения – «ахматовы слободы», население которых формировалось по принципу добровольного переселения. В результате военного противостояния Ахмата с князьями Олегом Рыльским и Святославом Липовецким и гибели их обоих в междоусобице, Курско-Рыльско-Липовецкие земли переходят под прямой контроль ордынских чиновников. Административным и торгово-ремесленным центром баскачества являлось Ратское (Беседенское) городище.

В четвертом параграфе «Рязанско-ордынское пограничье» анализируются территориальные изменения произошедшие на южном пограничье Рязанского княжества после монгольского нашествия.

Следует отметить, что ряд районов рязанско-ордынского пограничья мог представлять хозяйственный интерес для кочевников в виду их ландшафтной пригодности к использованию в качестве скотоводческих угодий. Степные ландшафты вклинивались в Рязанскую землю несколькими языками. Самым западным из них являлось обширное ополье на левом берегу среднего течения Прони («Михайлово поле»). На востоке степной клин простирался далеко на север вдоль левого берега Цны, до ее впадения в Мокшу. Еще один клин тянулся вдоль левого, западного берега р. Пары. И

наконец, значительных размеров ополье, окруженное со всех сторон лесами, занимало пространство междуречья Прони и ее притока Рановы. Вместе с тем, отсутствие на этих территориях археологических находок относящихся к материальной культуре Орды, а также локализация кочевнических захоронений (включая погребения кочевой аристократии) на территориях Донского левобережья, может свидетельствовать о «буферном» статусе данных районов, не имевших четких границ и использовавшихся ордынскими кочевниками для временных сезонных перекочевков.

Сообщение Гильома де Рубрука о «большом лесе», являвшемся северной границей ордынских кочевий в середине XIII в. на Донском Правобережье, позволяет локализовать прохождение рязанско-ордынского порубежья в данном регионе по ландшафтной границе лесостепных и лесных районов Верхнего Подонья располагавшихся севернее устья р. Воронеж. Исходя из данного обстоятельства, наиболее вероятным выглядит предположение о том, что ордынские кочевья в этом регионе ограничивались слабозалесенными землями в среднем течении Дона, а правобережье Верхнего Дона оставалось под административным контролем Рязанского княжества. В 30-40-х гг. XIII в. под фискальный контроль ордынских чиновников двора ханши Тайдулы переходят рязанские земли в Верхнем Подонье («место Тула»), оставаясь владениями Орды вплоть до периода «Великой замятни» (1359-1380 гг.).

В третьей главе **«Регионы русско-ордынского пограничья в хозяйственно-экономической системе Улуса Джучи»** рассматриваются вопросы интеграции регионов южнорусской лесостепи в хозяйственно-экономическую систему Ордынского государства.

Первый параграф «Торговые пути и их влияние на развитие пограничных территорий» посвящен вопросам влияния региональных и международных торговых коммуникаций на развитие территорий русско-ордынского пограничья.

Дополнительный стимул к активизации хозяйственно-экономических и этнокультурных контактов между русским населением лесостепного пограничья и представителями экономически активной части населения Орды (купцы, чиновники) придавала политика властей Монгольской империи и Улуса Джучи, направленная на возрождение как региональных, так и трансевразийских торговых маршрутов. В эпоху расцвета Ордынского государства как минимум четыре международных, а также ряд региональных торговых маршрутов, проходили по территориям русско-ордынского пограничья.

К таким маршрутам, прежде всего, относятся Днепровский и Донской речные торговые пути, а также Северный трансконтинентальный торговый путь, проходивший по некоторым регионам русско-ордынского пограничья (Поочье, Верхнее Подонье, Посеймье, Среднее Поднепровье) и т. н. «Татарский путь» («Via Tatarica»), значительный отрезок которого проходил по землям Подолии (Приднестровья) и пограничных с Золотой Ордой

областям Галицко-Волынского княжества (Кременец-Подольский, Теремовль).

Интенсификация транзитной торговли и вовлеченность в нее значительной части населения большинства регионов русско-ордынского пограничья привело к оживлению процессов хозяйственного освоения этих земель в период политической стабильности Джучидского государства (1300-1359 г.)

Во *втором параграфе* «**Поселенческая структура и процессы хозяйственного освоения регионов русско-ордынского пограничья во второй половине XIII - первой половине XV в.**» рассматриваются вопросы, связанные с хозяйственным освоением районов русско-ордынского пограничья славянскими и тюркскими этническими группами, а также поселенческой структурой земледельческих общин пограничных регионов.

После стабилизации военно-политической ситуации и становления административно-территориальной структуры Улуса Джучи, во второй половине XIII в. происходит возобновление процесса хозяйственного освоения лесостепной полосы русским земледельческими общинами. Данные археологических исследований однозначно свидетельствуют о расширении хозяйственной деятельности славянского населения в районах русско-ордынского пограничья во второй половине XIII – первой половине XIV в. В этот период фиксируется появление значительное увеличение числа новообразованных поселения русских земледельцев в нижнем течении р. Воронеж и Костенковско-Боршевском Подонье, Прихоперье, Побитюжье. В два раза количество земледельческих поселений увеличивается в районах современных городов Лебедяни, Задонска, Данкова, а так же в бассейне Красивой Мечи и в несколько раз в нижнем течении Быстрой Сосны.

Освоение русским земледельческим населением приречных участков в ордынскую эпоху проходило параллельно с освоением кочевниками-половцами степных участков водоразделов рек, но уже в системе ордынских улусов. Такое разделение хозяйственной деятельности по ландшафтному признаку позволяло поддерживать достаточно комплиментарные отношения между различными этническими общинами регионов русско-ордынского пограничья. Свидетельством мирного сосуществования и хозяйственного симбоза в ордынскую эпоху тюркского и славянского населения в районах русско-ордынского пограничья, является наличие в среднем течении Северского Донца и Ворсклы (в районе современных Полтавы и Бельска) двух вариантов материальной культуры, представленных в данном регионе. География ордынских древностей свидетельствует о включении в сферу хозяйственной деятельности ордынцев бассейнов Сулы, Хорола и Псла при сохранении славянского земледельческого населения на приречных участках.

Центрами административного управления на этих территориях являлись крупные неукрепленные поселения, являвшиеся одновременно и торгово-ремесленными центрами (Лавское, Ратское (Беседенское), Гочевское, Кучугурское).

Четвертая глава «Распад Улуса Джучи и изменение административного статуса пограничных территорий» посвящена изучению проблемных вопросов развития регионов южнорусской лесостепной зоны в условиях системного кризиса Ордынского государства.

В первом параграфе *Военно-политическая экспансия Великого княжества Литовского в южнорусские земли (вторая половина XIV- первая половина XV в.)* рассматриваются вопросы административно-территориальных изменений, происходивших на территориях русско-ордынского пограничья во второй половине XIV – первой половине XV в.

В 1359 г., после гибели хана Бердибека, в Улусе Джучи начинается длительный период дезинтеграции Ордынского государства, сопровождавшийся периодами междоусобных войн и переворотов, а также экспансией соседних с Ордой государств.

Во второй половине XIV-первой половине XV вв. происходит переход лесостепных регионов, ранее находившихся в составе ордынских улусов, под административный контроль ВКЛ, а также Рязанского и Московского княжеств. На отвоеванных у Орды территориях возникает ряд феодальных владений, находившихся в вассальной зависимости от Литвы или имевших статус т. н. «административного кондоминиума» (совместного управления) ВКЛ и соседних государств (Орды, Рязанского княжества и Польского королевства). К таковым следует отнести Подольское княжество, являвшееся родовым уделом племянников великого литовского князя Олгерда - Юрия, Александра и Бориса Кориатовичей, а также Киевское княжество, первым литовским правителем которого стал сын Ольгерда - Владимир Ольгердович. Фискальной особенностью указанных владений являлся факт относительно регулярной уплаты с их земель ордынского «выхода», на протяжении второй половины XIV – первой трети XV в.

В начале 60-х гг. XIV в., в бассейне Быстрой Сосны возникает пограничное княжество, управлявшееся представителями династии козельских князей, административным центром которого становится Елец. Во второй половине XIV – начале XV в. Елецкая земля являлась своеобразной «буферной зоной» между владениями Великого княжества Литовского, Орды и Рязанского княжества.

Также в период «Великой замятни» происходит изменение административно-территориального статуса таких районов русско-ордынского лесостепного пограничья, как «Тула», а также т. н. «татарских и мордовских мест», располагавшихся в степных и лесостепных районах Среднего Поочья и бассейне р. Пары. Данные территории переходят под контроль Рязанского и Московского княжеств

В середине XV в. под контроль ВКЛ переходят обширные лесостепные территории к востоку от Днепра, занимавшие, по оценке Ф.М. Шабульдо, пространства от русла Овечьей воды на юге, до Тихой Сосны на севере, ограниченные с востока верховьями Овечьей Воды, Самары, Орели и

Северского Донца. В ярлыках крымских ханов составленных в 80-х гг. XV в. эти земли обозначены как места расселения т. н. «Семеновых людей».

Таким образом, вследствие процессов поэтапного вхождения южнорусских земель в состав ВКЛ, а также Рязанского и Московского княжеств русско-ордынское пограничье приобретает некоторые черты движущейся границы – фронта.

Во втором параграфе *«Служилые татары» и казаки литовско-ордынского и рязанско-ордынского пограничья* рассматриваются проблемы возникновения, географической локализации и административно-политического статуса владений т.н. служилых татар и казаков лесостепного пограничья.

Ослабление социальных связей и разрушение административно-территориальной структуры Улуса Джучи способствовали появлению на пограничной периферии Орды, ВКЛ и Рязанского княжества, ряда феодальных образований и военных консорций (объединений) сохраняя автономность от административных и социальных институтов данных государств.

В конце XIV – первой половине XV в. на землях литовско-ордынского, а так же пограничных территориях Московского и Рязанского княжеств возникают владения «служилых татар».

К самым ранним из фиксируемых письменными источниками владений кочевых федератов возникших на литовско-ордынском пограничье следует отнести владение Мансура Кията, являвшегося, по официальной версии, сыном беклярбека Мамая. Исходя из информации, содержащейся в родословной книге Глинских, владения Мансура, располагавшиеся в среднем течении р. Ворсклы (г. Полтава, Глинск, Глиннеца), непосредственно гранича с владениями Гедеминичей, первоначально не входили в территориальную структуру ВКЛ, продолжая оставаться независимым «татарским» владением. В 1392 г. после принесения вассальной присяги, крещения и династического брака, сын Мансура – Алекса, становится вассалом Гедеминичей и получает ряд новых владений на пограничных землях ВКЛ (Стайну (Станску), Хозоров, Гладковичи).

Еще одним владением «служилых татар» на литовско-ордынском пограничье чвлялась т.н. «Яголдаева тьма», основанная ордынским аристократом Яголдаем Сараевичем в первой трети XV в. Территория «Яголдаевой тьмы» охватывала верховья рек Оскол, Северский Донец и южную часть бассейна Десны с городами Мужеч (на Псле), Милолюбль и Оскол. То есть, преимущественно степные и лесостепные районы русско-ордынского пограничья, входившие, до 60-х г. XIV в. в состав одного из улусов Золотой Орды. Располагаясь на перекрестке торговых путей и «татарских» шляхов (сакм) феодал Яголдаевичей являлся важным элементом в системе обороны ВКЛ от набегов кочевников вплоть до начала XVI в., когда по итогам московско-литовской войны 1500-1503 гг. эти земли вошли в состав Московского царства.

В середине XV в. на юго-восточном порубежье Московского и Рязанского княжеств возникает владение служилых татар, административным центром которого стал город Касимов (Городец Мещерский). По свидетельству венецианского дипломата и путешественника Амброджио Контарини основной задачей касимовских татар являлась пограничная караульная служба на одном из наиболее опасных направлений набегов кочевников – степных «коридорах» левобережий Цны и Пары.

В первой половине XV в. районы лесостепного пограничья становятся не только местом расселения «дворов» представителей кочевой аристократии, но и территорией, на которой происходило сложение самых ранних казачьих воинских сообществ – рязанских и черкасских казаков.

Первое упоминание «рязанских казаков» относится к событиям зимы 1443/44 г., когда они приняли участие в разгроме отряда ордынского «царевича» Мустафы в битве на р. Листани. Вероятным местом проживания «рязанских казаков» могли быть юго-восточные рубежи княжества (южное Поочье), в районе современного села Огородниково (стар. Бордаково), Спасского района Рязанской обл., где источниками более позднего времени фиксируется этническая группа т. н. «бордаковских татар».

Сообщество днепровских казаков («люди из Черкас»), впервые упоминаемое в русских летописях в связи с событиями 1445-1446 гг. сформировалось в первой половине XV в. в районе г. Черкасы и Канев, в пограничной зоне между владениями ВКЛ и Большой Орды.

Вышеперечисленные «татарские» феодалы и казачьи сообщества представляли собой автономные полиэтничные образования, включавшие в себя представителей как славянского, так и тюркоязычного населения, социальные институты, а также хозяйственный уклад и бытовая культура которых носили синкретичный характер, обусловленный длительным периодом мирного сосуществования представителей различных этнических групп на территории регионов южнорусского лесостепного пограничья в эпоху расцвета Ордынского государства.

В Заключение диссертации подводятся итоги и делаются основные выводы по результатам проведенного исследования.

В ходе изучения различных аспектов исторического развития регионов русско-ордынского лесостепного пограничья в эпоху существования Ордынского государства (Улуса Джучи) в XIII – первой половине XV вв. автор приходит к следующим выводам.

В результате целенаправленной политики Джучидов во второй половине XIII - начале XIV вв. практически на всем протяжении лесостепной полосы русско-ордынского пограничья образуются **зоны интенсивных политических, экономических и этнокультурных контактов (контактные зоны)** между оседлым, земледельческим населением южнорусских земель и кочевниками ордынских улусов. К таковым зонам следует отнести пограничные регионы Галицко-Волынского княжества (Болховская земля, Подолия, Понизовье), южные районы Киевской земли

(Поросье, район Канева), территорию прекратившего свое существование Переяславского княжества, черниговское Подонцове и Посеймье, лесостепные районы Рязанского княжества (Червлёный Яр, «татарские места»).

По мнению автора исследования, **контактной зоной** следует считать территорию интенсивного хозяйственно-экономического и культурного взаимодействия двух и более этносов или этнических групп, происходившего в течение продолжительного времени (жизни нескольких поколений).

Возникновение такого рода зон, как правило, тесно связано с существованием и деятельностью на этих территориях носителей открытых культур, и имперской структуры управления, обеспечивающей отсутствие конфликтов по национальному и конфессиональному признаку.

Зачастую такое взаимодействие приводит к возникновению новых этносов или субэтнических групп (акриты на восточном лимесе Византийской Империи, караны Хулагуидского государства, казаки и севрюки на русско-ордынском пограничье).

Период существования контактных зон русско-ордынского пограничья можно разделить на несколько временных периодов.

Первый период (40-90-е гг. XIII в.): становление административно-территориальной системы Улуса Джучи, повлекшее за собой переход ряда южнорусских областей (как правило, располагавшихся в лесостепной полосе) под непосредственный контроль Орды.

Второй период (первая половина XIV в.): интенсивное хозяйственно-экономическое развитие регионов русско-ордынского лесостепного пограничья, обеспеченное политической стабильностью в Улусе Джучи и включением русских земель в инфраструктуру обслуживания как международной, так и региональной торговли. Этот период также характеризуется развитием поселенческой структуры оседлого земледельческого населения, а также ордынских торгово-ремесленных центров. Данные факторы способствовали поступательному развитию как хозяйственно-экономических, так и этнокультурных контактов различных этнических групп населения пограничных регионов.

Третий период (60-е гг. XIV- первая половина XV в.): эпоха распада Улуса Джучи, сопровождаемая военно-политической экспансией сопредельных государств (ВКЛ, Московского и Рязанского княжеств). На порубежных территориях возникает ряд феодальных образований с полиэтническим населением, смешанным типом хозяйственно-экономического уклада и синтезной культурой, находившихся в той или иной степени политической зависимости от крупнейших государств региона (ВКЛ, Рязанского княжества, Орды) или имевших кондоминальный статус (совместного управления).

Список основных работ, опубликованных по теме диссертации:**Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:**

1. Воротынцева Л.В. Верхний Дон на торговых путях Золотой Орды / Л.В. Воротынцева // История: факты и символы. – 2016. – № 2. – С. 59-73 (0,8 п. л.).
2. Воротынцева Л.В. Волго-Днепровский участок Евразийского торгового пути в золотоордынскую эпоху (вторая половина XIII-XV вв.) / Л.В. Воротынцева // Вестник Воронежского университета. История. Политология. Социология. – 2017. – № 4. – С. 25-28 (0,2 п.л.).
3. Воротынцева Л.В. «Люди из Черкас»: «ордынские казаки» и «служилые татары» лесостепного пограничья (конец XIV-XV вв.) / Л.В. Воротынцева // Золотоордынское обозрение. № 1. – 2018. – С. 107-123 (0,9 п. л.).
4. Воротынцева Л.В. «Татарский» торговый путь («Via Tatarica») в системе международной торговли XIII-XV вв. / Л.В. Воротынцева // Золотоордынское обозрение. № 1. – 2019. – С. 77-89 (1,8 п. л.).
5. Воротынцева Л.В. Северный трансконтинентальный торговый путь в монгольскую эпоху (XIII-XV вв.) / Л.В. Воротынцева // Вестник Томского университета. История. № 62. – 2019. – С. 19-26 (0,45 п. л.).

Публикации в иных научных изданиях:

1. Воротынцева Л.В. Кем был «Сарацин» - переписчик, упоминаемый в «Истории монгалов» Плано Карпини (к вопросу о проведении первой ордынской переписи на Руси в 1245 г.) / Л.В. Воротынцева // Золотоордынская цивилизация. № 10. – 2017. – С. 135-139 (0,2 п. л.).
2. Воротынцева Л.В. «Орда на Куме землю пахала»: к вопросу о распространенности земледельческих практик в среде кочевого населения Улуса Джучи и Большой Орды в XIII-XV вв. / Л.В. Воротынцева // Тюркологический сборник. Т. 1. № 1. – 2018. – С. 79-97 (1,04 п. л.).
3. Воротынцева Л.В. Рязанско-ордынское пограничье во второй половине XIII – начале XVI века / Л.В. Воротынцева // Город Средневековья и раннего Нового времени: Археология, история. Материалы VI всероссийского научного семинара «Город Средневековья и раннего Нового времени» (15-18 ноября 2016 г.). Тула, 2018. – С. 103-111 (0,46 п. л.).

ВОРОТЫНЦЕВ ЛЕОНИД ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

**КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ РУССКО-ОРДЫНСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО
ПОГРАНИЧЬЯ В XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.**

Автореферат